

Ольга Хомич-Журавлёва

ГАЛЕРЕЯ НЕУДАЧНИКОВ

*и другие рассказы
и повести*

Ольга Хомич-Журавлёва

**Галерея неудачников.
и другие рассказы и повести**

«Издательские решения»

Хомич-Журавлёва О.

Галерея неудачников. и другие рассказы и повести / О. Хомич-Журавлёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745419-7

В водовороте ежедневных страстей или рутины — того, что называют бытие, — рождаются истории — реальные и выдуманные — хоррор, мистика, фантастика, романтические фантазии, социальные драмы, быль, иронические новеллы и гипотетические рассказы. Герои произведений — простые жители Земли, попадающие в невероятные жизненные коллизии — от комических до трагических. В сборник вошли рассказы и повести, написанные в разное время и в разных жанрах.

ISBN 978-5-44-745419-7

© Хомич-Журавлёва О.
© Издательские решения

Содержание

От автора	7
Галерея Неудачников	8
Взлёт Вовы Лодочкина	8
Белая яхта	11
Пончики	13
Везунчик	15
Трусики	17
Расист	19
Попа	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Галерея неудачников
и другие рассказы и повести
Ольга Хомич-Журавлёва**

© Ольга Хомич-Журавлёва, 2016

ISBN 978-5-4474-5419-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Уважаемый читатель, перед вами сборник рассказов и повестей, написанных в разное время. Раньше я всегда считала себя поэтом. Конечно, давно в детстве я сочиняла легенды, но со временем они забылись и стали выплывать в памяти в более старшем возрасте. Постепенно вслед за статьями – в газеты, за сценариями концертов и сказок, начали рождаться рассказы. Самый первый рассказ – «Везунчик» возник сам по себе за несколько минут и даже удивил меня увиденными деталями. Потом появились первая книга фантастики «Ликвидатор», затем мистический роман «Доктор Мазур», рассказы, повести. Когда было написано несколько рассказов и повестей, я объединила их в циклы «Галерея неудачников», «Реальные истории», «Выжившие», «За гранью реальности». В данный сборник, по разным объективным причинам, вошли не все истории. Может быть, когда-нибудь, и оставшиеся за кадром произведения увидят свет.

А теперь, дорогой читатель, предлагаю вам погрузиться в миры, которые мне посчастливилось увидеть.

Галерея Неудачников

Взлёт Вовы Лодочкина Ироническая мистика

Вова Лодочкин был хорошим малым. Точнее сказать, обычным. Как все. По крайней мере, как большинство. Жизнь его текла по накатанной колее. Он исправно ходил в садик, не досаждая воспитателям. Благополучно пережил десять лет школы, не нажив врагов. Правда, и друзей у него не было. По счастливому стечению обстоятельств ни одна девушка не вскружила ему голову. Вова удачно поступил в недорогой столичный институт, где прилично учился, пока однажды на сопромате у него не съехала «крыша». И поехала она в общем вагоне, где он весьма неудобно расположился на третьей полке. Сам Вова даже и не заметил своего столь странного перемещения. Ему по-прежнему казалось, что он спокойно спит облокотившись на стол в аудитории, а ненормальная Елизавета Савична мучает его и сокурсников своими бредовыми познаниями.

Выставили Вову Лодочкина на конечной станции в Красноярске. На все вопросы о месте жительства и имени личности он, гримасничая, отвечал:

– Я учил, правда учил, но не помню.

Никаких документов при Вове не было. После долгих расспросов милиционер вздохнул, махнул рукой и отвёз джинсового студента в надлежащее место.

В псих лечебнице к Вовочке относились хорошо. Он вкусно кушал, сладко спал на чистой и мягкой постели. И никто не устраивал семинаров по сопромату, что Вову Лодочкина, конечно же, устраивало.

Каждый вечер, новоиспечённый не буйный шизофреник Лодочкин, гулял в саду среди опадающей листвы и нелепых скульптур советского периода. Каждый раз, стоя у какого-либо посеревшего от времени изваяния, он начистоту выкладывал всё, что знал по сопромату, при этом нарекая каждую скульптуру Елизаветой Савичной.

И так текла его студенческая жизнь, во время которой Вова узнавал всё новое и новое по сопромату, и он уже было приготовился сдавать сессию, как неожиданно одна из скульптур с ним заговорила:

– А я не Елизавета Савична. Ты чего, парень, тоже ненормальный? Надо же, такой молодой, а уже псих.

– Так вы что, новый преподаватель? Жаль. Я к Елизавете Савичне уже, знаете ли, привык. А вас как зовут?

– Света.

– А по отчеству?

– Да я не помню уже.

– Теперь, значит, вы будете преподавать сопромат?

– Нет.

Вова Лодочкин опешил. Он взгляделся в фигуру, и та вдруг приобрела вполне чёткие формы женщины с печальным лицом.

– А вы красивая. Но как же сопромат? Кто теперь будет меня учить?

– Я могу учить. Хочешь научиться летать?

– Нет – это вы, наверное, ненормальная. Я точно знаю, что люди не летают. То есть летают, но только на подручных средствах – на самолётах или воздушных шарах. А так, чтобы самим взлететь... Вот йоги, говорят, летают...

Девушка, не слушая размышлений Вовы, прищурившись, вглядывалась в кучевые облака, которые втягивали в себя закатное солнце, при этом окрашиваясь в нереально красные тона.

– «Отчего люди не летают так, как птицы? Нет, говорю, отчего люди не летают, как птицы?»... Это Островский, – она неожиданно строго взглянула на Вову. – Но не тот, у которого закалялась сталь.

– «Гроза», – Вова кивнул и задумчиво произнёс. – Я помню, читал. Только сложно было пьесу читать. Там ещё девушка плохо кончила со своими мечтами о полётах.

– А я кончила хорошо, – в голосе прозвучали нотки упрямства. – Она несчастная. У неё ничего не получилось. А я научилась летать. Это же так просто. Главное знать – как. Вот смотри: отталкиваешься от земли, вскидываешь руки и плавно, без рывков ими взмахиваешь.

Дама с легкостью оторвалась от земли и взлетела. Сделав круг над Вовой Лодочкиным, она снова опустилась на землю. Вова потер глаза:

– Наверное, я сошел с ума.

– Это мир сошел с ума. Как только я начала летать, меня упекли в психушку.

– В какую психушку?

– Ты что, больной?! Ах, да... Бедный... По-твоему, мы сейчас где находимся? Угадай с трёх раз. Уж явно не в санатории. Психиатрия это, мальчик мой, больница для душевнобольных.

– Так вот почему сопромат отменили.

Девушка залилась неимоверно заразительным смехом. Еле остановившись, произнесла:

– Нет, ты точно больной. А жаль. Такой умный со стороны. И симпатичный. Я так хотела кого-нибудь научить летать. Но никто не хочет. Все от меня шарахаются. И ты, бедненький, психом оказался, – глаза душевнобольной наполнила слюда слёз.

И тут, у Вовы Лодочкина совершенно неожиданно встала на место «крыша». Он огляделся и увидел, что стоит в незнакомом саду. Уже глубокая осень, на нём тёплый тёмно-серый халат, а напротив стоит печальная девушка неопределенного возраста.

– А... что со мной произошло? Почему я здесь? Что это за место?

– Неужели очухался? Что ж, в этом отделении я уже видела подобные случаи. Вот только летать никто не хочет.

Вова Лодочкин был рассудительным человеком. А теперь, когда его «крыша» снова заняла законное место, он, как всякий нормальный человек, криво усмехнулся, услышав несусветную глупость.

– Девушка... это... женщина... Вам, может быть, присесть надо?

– Неужели вы, молодой человек, даже не хотите попробовать? – не обращая внимания на суетливое бормотание студента, задумчиво произнесла сумасшедшая.

– А почему бы и нет? – начал подыгрывать ненормальной Вова Лодочкин, чтобы у той не случился нервный припадок.

Она уставилась на студента, словно прикидывая – сможет ли тот взлететь. Удовлетворённо выдохнув, снова перейдя на «ты», произнесла:

– Тогда повторяй за мной все движения.

И Вова Лодочкин к своему безмерному удивлению взлетел вслед за печальной дамой. Ему показалось, что он снова сходит с ума.

Они кружились над городом, а люди, вопя, показывали на них, кто-то просто стоял с открытым ртом, а в приемном отделении псих больницы уже раздавались первые звонки с сообщениями о массовой шизофрении.

– Куда летим? – спросила Вовочку Света. – Может быть, к тебе, в институт, к твоей ненаглядной Елизавете Савичне?

И тут Вова Лодочкин понял, как опротивел ему и сопромат, и институт, и нудная Елизавета Савична, и неуютный столичный город с безумным ритмом жизни.

– Я хочу к маме, в Ростов, – неожиданно жалобно произнес Вова.

– Нет ничего проще, – кивнула Света.

И они, размахивая рукавами больничных халатов, не спеша, полетели на запад, в Ростов.

Северодвинск 1994 год

Белая яхта

Ироническая новелла

Наталия Гелионовна Эрзистон считала себя крайне несчастливым человеком. Лишь однажды в жизни ей повезло – небеса облагодетельствовали её рождением на берегу Черного моря и проживанием в частном доме курортного городка Анапа. На этом её везение и закончилось. Любимый папочка, воспитывавший Наталию до семи лет, уплыл в очередной раз в Амстердам, в чине судового матроса, да так и остался на сытом западе. Мамочка, всю жизнь, проработавшая врачом, практически не бывала дома, между дежурствами в какой-то больнице, подрабатывая сиделкой у состоятельного чиновника, ухаживая за его маразматической тещей. Присматривала за Наталией старушка соседка, которая целыми днями сидела перед телевизором, сутками поглощая мыльные оперы.

Обнаружила мама – врач существование дочери только после окончания школы, когда, прибежав на перерыв между работой и дежурством, чтобы занести очередную порцию продуктов, увидела лежащую перед телевизором, неожиданно выросшую девушку. На вопрос – почему не в школе, та ответила, что уже осень, а школа окончена еще в июне, окончательно и бесповоротно. На следующий вопрос – почему не в институте, Наталия, зевая, напомнила, что без оплаты ей заказаны все двери высших учебных заведений. После данного диалога, мама девушки на секунду задумалась, но тут затрезвонил мобильный телефон, и та пулей вылетела из домика, видимо, общаться с, ещё более сошедшей с ума за эти годы, тещей чиновника.

Через несколько дней, наткнувшись на Наталию, лежавшую перед телевизором в той же позе, мама, было, задала тот же вопрос о школе, что и в прошлый раз. Но осеклась. Молча разложив продукты по полкам шкафов и холодильника, сообщив, что скоро позвонит – снова упорхнула за дверь.

Как бы там ни было, но через два дня Наталия была зачислена без экзаменов, в медицинский институт. Чиновник оказался «человеком» и помог поступить, оплатив всю учебу.

Институт Наталия помнила, как одну сплошную серую массу – семестр, зачеты, экзамены... Учиться ей было не интересно и лень. Но надо было отрабатывать неожиданную щедрость незнакомого благодетеля – зятя сумасшедшей тещи. И Наталия натянула на себя постыльную ляжку эскулапа.

Работа в местной больнице, куда её распределили после института, повергла Наталию в такое беспросветное уныние, что она поняла – жизнь, её бесценная жизнь окончена, не успев начаться. Не станем описывать всё её раздражение, начиная от старых, источающих миазмы коридоров больницы, до самих, собственно, нудных, по её мнению, противных больных, которые видят смысл существования только в раздражении врачей. Не будем углубляться в тонкости нашей российской «бесплатной» медицины, не об этом сейчас речь, хотя тема и навеивает определенные воспоминания.

Итак, отбыв, как на каторге, смену врача травм отделения, весьма повзрослевшая и сильно пополневшая Наталия Гелионовна, возвращалась в, не изменившийся за годы, дом. Отдыхающих, которых летом впускали в свои дома, теснясь на кухнях и в сараях, её соседи, у Наталии не было – «отдыхаек» она ненавидела лютой ненавистью. Впрочем, так же, как и всех людей. И хотя деньги Наталии были необходимы – душевное равновесие закоренелая эгоистка ценила больше всего.

Всё своё свободное время Наталия Эрзистон проводила на набережной, возле яхт-клуба. В межсезонье она бродила по высокому берегу, или сидела на крутом спуске, откуда хорошо был виден весь яхт-клуб. А летом часто лежала на гальке, или опять же на маленькой лужайке, примостившейся на крутом склоне горы высокого берега. И смотрела, смотрела, как яхты,

одна за другой, выходили в акваторию бухты; как легко резвились серфингисты, ухватившись за воздушные паруса; как проплывали теплоходы, везя туристов на морские прогулки.

Сколько раз, наблюдая за бурлившей вдалеке жизнью, Наталия представляла себя сидящей в изящной позе, в белоснежном, фривольном костюмчике, на палубе шикарной яхты, управляемой красавцем блондином. Но на проплывающих яхтах, задрав нос, сидели сплошь одни девицы подросткового возраста, раздетые до такой степени, что от купальников оставалось только название. А рядом с ними, блестя разъевшимися животами и гладкими лысинами, вальяжно откинувшись, восседали отнюдь не Дольфы Лунгрены.

Однажды, когда Наталия, по обыкновению, придирчиво вглядывалась в обитателей яхт, одна дама ей показалась, как будто, знакома. Наталия встала во весь рост, достав свой любимый бинокль, направила его на хохочущую даму. И немедленно, к своему удивлению, узнала... свою маму. Изящная, холеная, моложавая дама, которой нельзя дать и сорока лет, плыла на белоснежной яхте и была абсолютно счастлива, рядом с высоким блондином в возрасте, но с красивой, поджарой фигурой, следящего за собой мужчины.

– Не может быть, – прошептала совершенно сбита с толку Наталия. – А работа? А сумасшедшая пациентка? И только тут до эгоцентричной девушки, не желающей думать ни о чем, кроме своей драгоценной персоны, дошло, что она, в сущности, ничего не знает о своей маме. Она даже не удосужилась, уже будучи врачом, узнать, а в какой же поликлинике служит её мамочка. Служит? Эта красивая дама, словно сошедшая с обложки модного журнала – разве может где-то служить?!

Дрожа от нетерпения, Наталия еле дождалась, когда яхта причалит к пирсу. Можете представить картину? – Шикарная дама изящно спускается с борта яхты. И навстречу ей выскакивает красная, пухлая тетка, неопределенного возраста, совершенно не ухаживающая за собой.

Немая сцена.

Прекрасная дама, сделав каменное лицо, сухо говорит:

– Дома объяснимся.

А дома выяснилась интересная история, достойная мексиканского сериала.

Мужчина на яхте, с которым раскатывалась ее мама – давным-давно был её мужем. А яхта была их собственностью, как, впрочем, и четырехэтажный особняк и три машины. Много лет назад, будучи уже замужем, мама сделала глупость – согрешила с красавцем моряком, в результате чего и появилась на свет Наталия. Разумеется, мамочка не была доктором, кроме того, она вообще никогда не работала. Когда появился ребенок, мама Натали, купила небольшой домик, и нанимая нянечек, начала растить дитя, забегая к нему раз или два в день, тайком от мужа. К слову сказать, у них уже были дети – два совершенно избалованных мальчика. В какой-то момент муж узнал, что жена тайком растит дочь. После бурного скандала, богатая чета решила ничего не менять в своей жизни. Как, впрочем, и теперь, когда тайна мамочки была раскрыта. Натали был заказан вход в мамин особняк. Её как бы не было...

С тех пор Натали с мамой почти перестали встречаться. Но девушка всё так же приходила на набережную и с тихой грустью и отчаянием любовалась яхтами, среди которых время от времени она видела белоснежную яхту своей мамочки. Мамочки, которой Наталия была совершенно не нужна.

Анапа 2003 год

Пончики

Иронический рассказ

Лена Кадушкина доедала пятый пончик. Нет, она не была обжорой. Просто Кешка Марзиков вызвал её на спор, и теперь она давилась этими треклятыми жареными пончиками, посыпанными сладкой пудрой, которые ещё пятнадцать минут назад так любила, нет, прямо-таки обожала...

И поспорили ведь вроде понарошку – какой актер играет в новом фильме. Кешка выиграл. Лена хотела свести спор к шутке, но не тут-то было... И не жалко ведь ему было денег? Пошел и купил пончики посыпанные сахарной пудрой – аж двадцать штук, у смуглой осетинки, с чудовищным оскалом золотых зубов, который, по-видимому, был улыбкой.

– Чего задумалась? Небось, о смысле жизни? Да ты жуй, жуй. Мне не терпится увидеть, как последний пончик провалится в твою жевательную систему. – Кешка ехидно прервал размышления Лены.

– Ну и гад фе ты, Марфикив! – в сердцах, с набитым ртом пробубнила несчастная жертва обстоятельств.

– Ага, а еще я умею проигрывать, не то что некоторые.

– Я тоф-фе умею...

Со вздохом, впихивая в себя очередной жареный кусок теста, Лена вспомнила, что ещё недавно Марзиков ей очень нравился. Красивый, высокий, голубоглазый, с модной стрижкой невообразимо красных крашенных волос, ещё сегодня он был предметом её тайных мыслей и желаний. И вот, он нагло ухмыляется и следит за несчастной девушкой, попавшей в капкан дурацкого спора.

«Лишь бы никто не увидел», – только мелькнула мысль в голове Лены, как целая толпа самых ненавистных однокурсников вывалилась из-за поворота. С ними был пожилой, с её точки зрения, Модест Эммануилович, преподаватель истории. Все бы прошло, наверное, благополучно, если бы не этот самовлюбленный сорокалетний педант и сноб – всезнайка, который вечно с видом умудренного старика, старается поучать студентов в любую свободную минуту. И вот ведь что интересно – некоторым это безумно нравится, и они следуют за ним кучкой идиотов, ловящих, затаив дыхание, каждое его занудное слово.

– Кадушкина, – противно картинно выставляя вперед руку с указующим перстом на пакет с пончиками, изрек препод, – ты бы поменьше ела жареного и мучного. С твоей то фигурой это вредно. Вид полной девушки не вызывает эстетического наслаждения...

И тут фурии студентки, только и ждавшие подобной тирады ехидного кумира, прыснули, загоготали, заржали на весь проспект, выгибаясь, при этом украдкой глядя на реакцию «жертвы и удава».

Лена Кадушкина, покраснев, но с достоинством пережив позор, продолжала демонстративно-яростно поглощать пончики. Гогот сразу же прекратился и толпа девиц, разочарованно хмыкнув, потекла за обожаемым Модестом Эммануиловичем, который, скорее всего даже и не понял, какую гадость только что сделал.

Но не о нем речь. Только теперь Лена заметила, что Кешка Марзиков стал представлять из себя красное пятно – красный джемпер, волосы и не менее красное лицо, которое выражало сочувственное смущение:

– Ленка, ну их, пончики эти. А на Модеста наплюй – что ты, не знаешь его? И совсем ты не такая... Ну, а такая... Ну, как надо, в общем...

Лене уже было всё равно:

– Да ладно, Кеш, Я умею проигрывать. Только можно, я пончики дома доем?

– Хочешь, помогу? Идем ко мне домой. У меня папахен классный чай заваривает – с морошечником.

– Кешка, а ты человек... Чаю говоришь?..

– Ага.

– Чаю, да со сгущеночкой... А что, это можно...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

По разному начинается любовь. Кто её знает, что она за штука такая. Два года Лена Кадушкина подкатывала к Кешке Марзикову – и глазки стоила, и такой невозможный стрейч натягивала, что все её тела сорок восьмого размера чуть ли не наружу вываливались. Нет, Лена не была толстой, просто такой пухленькой и ладненькой, что хотелось прижаться губками к её розовой сдобной щечке. Но студенческая братия все, как один, обожали плоско – стервозных девиц и на независимую в своем одиночестве Лену, смотрели как на сгусток белковой массы, выбивающийся из привычных параметров.

Но вот ведь, Его Величество Случай! Неизвестно, чем бы закончилось молчаливое Леночкино обожание, если бы не пренеприятное пари с Кешкой из-за какой-то ерунды, о которой теперь, спустя много лет их совместной жизни, никто и не вспомнит.

Анапа 2003 год

Везунчик Ироническая мистика

Попиков с явным удовольствием потирал руки. Его пороссячи глазенки блестели, а на бледных щеках появился лихорадочный румянец. Никогда ещё ему не везло так, как на этот раз!

Попиков был классическим примером абсолютного неудачника. И чего бы он ни собирался делать – ну ни в чём ему не везло. Вот и на рыбалку он отправился для того, чтобы просто разнообразить свою серую, беспросветную, полную неприятностей жизнь, предвкушая привычную неудачу.

Речушку Попиков выбрал самую заурядную – протекающую в центре города, между двумя новыми микрорайонами, из простых соображений: если утонет – не долго будут искать.

Странности начались сразу же после того, как Попиков сошел с маршрутного такси. Он не упал! Да не то что не упал – даже не споткнулся, рубашку не защемили дверями, не обрызгали из лужи проезжающие мимо машины, а из салона даже донесся доброжелательный голос водителя: «Счастливой рыбалки»... Попиков сначала опешил, покрутив головой, глядя по сторонам. Но на обочине дороги стоял только он, и слова относились именно к нему. «Сейчас наорет, что я двери не закрыл» – мелькнула мысль в голове неудачника. Но водитель улыбнулся, а пассажиры спокойно захлопнули двери, помахав на прощание, и маршрутка прошлепала в небытие. Попиков приободрился. Ему, положительно, наконец-то стало везти.

Он прошел небольшой, почти первозданный скверик – рощицу, и перед ним раскинулась речка, которую, видимо по недоразумению, не уничтожили, превратив живописный уголок в каменные джунгли очередного микрорайона. И вот тут Попиков должен был бы заподозрить что-то неладное. В воскресный день на берегу пруда не было ни одного рыбака. Ну, просто ни единого. Ветерок мерно шелестел в кронах деревьев и в камышах, и вокруг стояла такая умиротворяющая тишина! Ему бы задуматься – не слышно ни птичьего пенья, ни звуков проезжающих машин, доносящихся с близко проходящей трассы. Но Попиков, опять же, окрыленный непонятной эйфорией, не обратил внимания на всякие незначительные мелочи. Напевая что-то под нос, скрипучим голосом, с полным отсутствием музыкального слуха, он подготовил снасти, забросил удочку и присел на раскладной стульчик, безнадежно надеясь на удачу – в лице хоть какой-нибудь крошечной рыбки, по глупости заглотившей его жирненького червячка.

Когда задержался поплавок, Попиков даже не поверил своим глазам, ведь ещё ни разу в жизни он не поймал ни единой рыбешки. Затем мелькнула мысль, что просто-напросто крючок, как всегда, зацепился либо за корягу, либо подцепил обильный мусор со дна. Но поплавок все дергался и дергался.

Наконец, Попиков, собравшись с духом, рванул удилище на себя. И, вылетев из воды, навстречу к нему полетела щука, весом с килограмм. Пролетев мимо Попикова, при этом, больно хлестнув его по щеке, щука шлепнулась метров в шести от берега. Попиков, ошалев от неожиданной удачи, потирая руки, подошел к щуке. Слегка нагнулся к ней, чтобы рассмотреть улов. Как вдруг наткнулся на её взгляд – насмешливо холодный, изучающий рыбака.

– Щука, ты чего на меня так смотришь? – опешил Попиков. – Я ведь тебя поймал и из воды вытащил. Честно. Теперь съем.

Взгляд щуки стал еще более насмешливым и внимательным. Мало того, в нём появился радостно нагловатый блеск. И тут щука, прямо как в сказке, заговорила:

– Ещё неизвестно кто кого поймал, и кто кого вытащил. Так терапия дала неплохие результаты.

– Ой, – икнул Попиков, и, шагнув назад, шлепнулся на мягкое место, не почувствовав боли.

– А есть меня, не советую, – насмешливо радостно продолжала вещать щука, – уж лучше пошевели пальцами ног, если сможешь.

«Мало того, что щука говорящая, так она ещё и сумасшедшая. Ну, при чем тут ноги?» подумал Попиков, приходя в себя, но пальцами пошевелил.

– Чудненько, – пропела рыба, – прогресс, коллеги, на лицо. Значит мышцы ног не атрофировались. Есть шанс на то, что он пойдет.

Попиков обозлился. Чего это он пойдет? Он и без щуки прекрасно ходит.

Внезапно, Попиков потерял всякий интерес к говорящей щуке. И, не обращая больше внимания на её занудные речи и совершенно нелепые просьбы чем-то там пошевелить или что-то повернуть, решил больше с ней не разговаривать. Весело напевая скрипучий мотивчик, он отправился удить рыбу, дальше. Ведь ему вдруг стало так везти, что нельзя было упускать удачу. Положительно, этот мир начинал нравиться Попикову всё больше и больше...

В небольшой палате интенсивной терапии, психиатрической больницы, в инвалидном кресле, сидел безнадежно и абсолютно невменяемый человечек. Время от времени он прекращал раскачиваться из стороны в сторону и переставая петь абракадабру скрипучим голосом, оживлялся, вдруг начиная повторять бесконечно, в течение нескольких часов: «Клюёт! Удача – то, какая! Клюёт!»...

В тот год, в городе произошла совершенно чудовищная авария: со второго яруса эстакады, соединяющей два микрорайона, на переполненное маршрутное такси упал рефрижератор. Чудом уцелел только один пассажир. При нём не было документов, но в руках он держал, прижимая к груди дешевую удочку. Очевидцы происшествия, глядя, как автогенном вырезают из сплюсненной груды металла, изломанного, окровавленного с пробитым черепом, но живого мужичка, шептали: «Вот повезло человеку-то! Бывают же такие везунчики!»...

Анапа 2004 год

Трусики Ироническая драма

В жизни Она боялась только одного – умереть в некрасивых... пардон... трусиках. Это был Её «бзик», «фишка», «пунктик» – как угодно. Но он был!

В детстве Она увидела аварию, когда груженный самосвал сбил возле универмага женщину, которая от удара подлетела вверх и когда упала, у неё задралась юбка, и всему миру открылись позорные светлые трусы – застиранные панталоны с мелкими дырочками. Тогда Она даже не заметила отлетевшей на несколько метров окровавленной головы, с которой отчего-то не сорвалась порозовевшая вязанная шапочка. Перед глазами стояли только эти застиранные трикотажные трусы, неопределённого цвета.

Именно тогда Она решила, что будет уходить в мир иной только в бесподобном фирменном белье. И чтобы никогда смерть не застала бы Её врасплох.

С тех пор прошло много лет. Она стала преуспевающим бизнесменом. И хотя звезд с неба не хватало, но имела небольшую сеть бутиков нижнего дамского белья, под общей маркой «Иоланта». Она слыла дамой изысканной и волевой. Годы неудач на любовном фронте и конкурентной борьбы в бизнесе, из белокурой «Барби», сделали непотопляемый авианосец, с маской железной леди. Но детский «пунктик» всё так же довлел над Ней, давно превратившись в навязчивую идею. Теперь в любое путешествие она везла с собой целый багаж фирменных трусиков, которые меняла каждые два часа, так, как некоторые принимают лекарства... Надо ли говорить, что никто об этой фобии даже не догадывался.

Как-то, осенью, Она летела на самолёте, в салоне бизнес-класса, во Владивосток. Исполненная радужных ожиданий от встречи с краем России, а затем и с Японскими островами, она ощущала себя полностью самодостаточной и абсолютно счастливой. Как вдруг самолет начало трясти... Пассажиры молча, с испугом оглядывались друг на друга. Самолёт угрожающе наклонился на бок и начал планомерно терять высоту.

Она уронила бокал белого вина себе на брюки, молча вцепилась в поручни кресла и с удовлетворением подумала, что какая она молодец, ведь если сейчас и погибнет, то в шикарной, утонченной одежде и умопомрачительных трусиках из последней коллекции. Она приняла изящную позу и замерла.

Окружающие её пассажиры, будучи людьми весьма состоятельными, а некоторые ещё и очень влиятельными, сохраняли хладнокровное спокойствие. Лишь некоторые менторским тоном потребовали у бортпроводницы немедленного объяснения – что происходит. У, ещё недавно чопорной девицы, дрожали губы и колени... Но через минуту перед ними вырос летчик из командного состава, вытянувшись по стойке смирно, на сколько позволяла тряска, испуганно докладывая, что самолёт попал в зону турбулентности и производит экстренную посадку в аэропорту какого-то уральского городка. При этом офицера немилосердно швыряло из стороны в сторону перед окаменевшими олигархами....

Она очнулась в лесу. Над ней простиралось бездонное чёрное небо с пронзительно сияющими звездами. Отчего-то нестерпимо пахло жареным мясом и горелым пластиком.

Она с трудом, преодолевая адскую боль, повернула голову и последнее, что предстало перед её угасающим взором – это тлеющие фрагменты полностью разрушенного самолёта и тех, кто ещё недавно были людьми, а так же своё обгорелое тело, на котором красовались рваные, заляпанные грязью и кровью трусики...

Анапа 2007 год

Расист Иронический рассказ

Жан Пьер Лекруа всегда гордился своим презрением к чернокожим, как он говорил – «нигерам» и сам себя называл убежденным, закоренелым расистом.

Жан Пьер родился во Франции. Закончив экономический факультет Парижского университета, его, как молодого и перспективного специалиста отправили в республику Чад, чему он был несказанно рад.

В африканской стране он служил бухгалтером при посольстве Франции. И надо сказать – был весьма доволен своей жизнью. Всего три, четыре часа бумажной рутины. Зато потом – весь день в его распоряжении – теннисный корт, бассейн с прохладной водой, тренажерный зал ждали его появления. И при всём этом Жан Пьер был – светлокожим, а значит почти небожителем – гражданином цивилизованной страны. Ощущение некоей избранности придавало ему небывалый жизненный подъём, а в движениях присутствовала некая царственная грация.

Можно было провести целую жизнь в Раю, огороженном от «нигеров» колючей проволокой. Но была одна проблема. Скажем так – существенная проблема для здорового мужчины вполне традиционной половой ориентации. В посольском городке было очень мало женщин. Да и те, что были – или замужем или стары. И ему очень редко выпадал секс с белой женщиной.

Иногда, Жан Пьер вместе с несколькими сослуживцами и небольшой охраной выходили в город Нджамена в поисках подходящей девушки. И такие всегда находились. Некоторые родители специально не портили лица своих дочерей, чтобы можно было продать их на ночь привередливым, но щедрым белокожим иностранцам.

Как бы не презирал Жан Пьер чернокожих аборигенов, но природа брала своё. Купив у родителей девушку за небольшую плату, он приводил её в свою комнату. Самым ужасным во всей ситуации было то, что, даже отмыв чернокожую красавицу в душе со всевозможными гелями, как только она начинала возбуждаться и потеть, сквозь ароматы парфюма неизменно источались миазмы стойкого, неподражаемого, тошнотворного африканского запаха. Отчего Жан Пьер вместо того, чтобы с облегчением кончить в стонущую от вожделения девицу, всякий раз вскакивал и, зажав рот, чтобы не вырвать, бежал в ванную. Отдышавшись, он выталкивал ничего не понимающую девицу на улицу. И уже сам заканчивал процесс семяизвержения, ненавидя себя, ненавидя «вонючих нигеров». И в эти минуты он ощущал себя расистом до мозга костей. А как можно не быть расистом, если за последние десять лет у него не было почти ни одного нормального полового акта.

Неизвестно, сколько бы продолжалась подобная жизнь француза в Африке, если бы в республике Чад не случилась революция.

Повстанцы, захватив, как полагается в таких случаях, все стратегически важные объекты, приказали оккупантам, то есть французам, убираться вон из страны. Чему, собственно говоря, на данный момент, Жан Пьер был несказанно рад.

Но, приехав в Париж, он уже не узнавал свою родину, которую столь же густо наводнили «черномазые» всех сортов. Последней каплей стал чиновник, у которого Жан Пьер получал вид на жительство. Он был цвета горького шоколада.

– Я на вас в суд подам, если ещё будете на меня так смотреть, – грозно пообещал чиновник. – Знаю я вас, расистов.

«Бежать! Бежать отсюда подальше! Туда, где живут только белокожие люди!» – решил Жан Пьер.

Не медля, он купил карту мира. Так, куда податься? Норвегия, Финляндия, Нидерланды, Швейцария... Уж там наверняка одни белые. Но Жан Пьер так привык к теплу, что жить в северных странах ему не улыбалось. Так, где ещё нет засилья чёрных? Вся гостеприимная Европа заполнена черными беженцами. Об Американском континенте и говорить нечего. Есть! Нашел! На карте красовалось огромное государство, которое всё мировое сообщество боялось, ненавидело и старательно игнорировало.

В свободное время Жан Пьер очень любил смотреть каналы новостей. Из них француз знал, что в России живут только белокожие люди. Мало того – россияне закоренелые расисты. Многие цветные народы просят убежища в других странах, покидая жестокую Россию – взять хотя бы недавний исход турок месхетинцев.

А наводят порядки в России группировки скинхедов. В душе Жан Пьер очень уважал этих неведомых бритоголовых парней, проводящих чистку в далекой стране и жалел, что их не было в Париже.

Подкованный подобными знаниями, Жан Пьер сказал себе: «Вот мой новый дом». И выбрал самую южную столицу России – Краснодар.

Выучив русский язык и оформив надлежащие документы, на всякий случай, всё же оставшись подданным Франции, Жан Пьер приехал в Россию.

Он очень быстро обосновался в Краснодаре, который, кстати, ему не очень понравился – хаос построек давно не отремонтированных зданий, выщербленные мостовые. Но все бытовые неудобства компенсировали люди. К наслаждению Жан Пьера, они все были белокожие, стройные и вполне прилично одетые.

В первый же вечер уик-энда Жан Пьер, вместе с русским сослуживцем, решил посетить ночной клуб.

И тут французу повезло!

Он познакомился с очаровательной рыжеволосой девушкой. Кожа юной россиянки была настолько белой, что в руках француза её маленькая ладонь казалась вылепленной из чистого снега. А как она пахла!

Когда Жан Пьер танцевал с девушкой, шепча ей на ушко милые шутки, он до головокружения вдыхал её аромат. Так пахло в солнечный день; так пах круассан в его детстве, когда с утра булочник приносил в их дом свежую выпечку; так пах свежескошенный луг после дождя...

Подобного наслаждения Жан Пьер не испытывал давно. Было видно, что и девушка от него без ума. А ещё она была не продажной проституткой, а вполне приличной студенткой пятого курса факультета психологии. И имя у неё было мелодичное – Алёна.

Когда француз пригласил девушку к себе в номер, она с радостью согласилась. В обнимку, они вышли из ночного клуба. Жан Пьер уже предвкушал ночь, полную бурной, страстной любви...

Но дошла парочка только до поворота, за которым стоял новенький «Нисан» француза.

Из темноты, перед ними возникли несколько верзил в одинаковых черных куртках, черных штанах, заправленных в высокие армейские ботинки и с абсолютно лысыми головами.

– Что, «чёрнозадый», приехал наших девочек портить?

Жан Пьер сначала даже не понял, что обращаются к нему. Но так, как на улице больше никого не было, приходилось принимать действительность как данность – его только что называли «чёрнозадым». Его! Так его ещё никогда не называли...

– Я не «Чёрно... задый». Я – белый. – Внутри у Жан Пьера постепенно холодело. Он понял, что перед ним скинхеды. Надо объяснить, что он свой, белый, и что тут какое-то недо-разумение.

– Ха, если ты, «черномазый» – белый, то я – балерина.

– Вот что, «черно*опый», мотай обратно в свою Нигерию, или откуда ты там. Россия для русских! Понаехали тут, уроды! Мало нам своих «чурок». Еще и арабы поперли!

– Я не араб. Я – француз. Я – белый...

Но Жан Пьера уже не слушали. Молодчики, отработанными движениями бывалых бойцов, наносили удары по голому телу француза.

– Держи девку! – проорал один из скинхедов. И Жан Пьер, сквозь боль затекших век, с облегчением увидел, что рыжеволосая девушка стремительно уносится вдаль, по улице, что-то крича в мобильник.

Звуки воющих сирен вспугнули озверелую толпу молодчиков.

Когда подъехала милиция и скорая, Жан Пьер был в сознании. Подошедший милиционер, обращаясь ко второму, констатировал:

– Скинхеды еще одного араба обработали. За сегодняшнюю ночь – уже второй. Зови врачей. Этому еще повезло – жив остался. Девчонка во время позвонила. А иначе бы все – второй труп, мать его... Так, что там в документах? Опа, смотри – француз.

– Да, но скинхедам то по фиг – из Европы он или нет. Они по морде бьют, а не по паспорту. Расисты хреновы...

Анапа 2008 год

Попа Быль

В юности иногда, от скуки, я любила полистать телефонный справочник, читая в нём невообразимые фамилии, которыми были одарены телефонные абоненты проказницей судьбой. Наши фамилии – это атлас мировой российской души. И какие только прозвища не доставались семьям, благодаря далёкому предку, оставившему о себе напоминание потомкам. Как-то мы с подругой среди прочих забавных фамилий потешались над фамилией Попа. Это надо же, живёт же где-то в нашем городе мужчина по фамилии Попа. Абсолютно спокойно спит, завтракает – так же, как и все, затем идет на работу, где ему говорят: «Уважаемый Попа, сделайте то-то и то-то», или вызывают по коммутатору, вызывая по огромным цехам завода: «Товарищ Попа, пройдите туда-то» и весь многотысячный коллектив внимательно прослушивает объявление... И Попа продолжает свою незамысловатую жизнь с потешной фамилией. А вечером он возвращается домой, где его, наверняка ждет Попа жена и дети, у каждого из которых фамилия Попа. Тяжело, наверное, приходится детям во дворе. А может быть, когда его жена, ещё будучи невестой, не желала брать фамилию Попа, жених доказывал ей, что Попа – французская фамилия и ударение надо делать на последний слог – ПопаА, и что он гордится своей фамилией и необходимо, чтобы она осталась в веках. Короче, размышляя подобным образом, ну и ржали мы с моей подругой. Кто бы знал, что невинная шалость глупых девчонок вдруг получит продолжение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.